

Андрей Викторович Зверев

В 1980-х годах работал в Госбанке и Госплане СССР. В 1990–1992 годах — замминистра финансов РСФСР, руководитель бюджетного управления Межгосударственного экономического комитета (МАК), затем работал в аппарате правительства РФ, в руководстве ряда ведомств и компаний, ныне — Торгпред РФ в Германии. Известен тем, что в конце августа 1991 года был прислан «комиссаром» в Госбанк СССР заменить «ненадёжного» Геращенко. Пробыл председателем три дня.

Часы на ноге, пистолет за поясом

Совет директоров Московского банка экономического сотрудничества собирался раз в год поочередно в разных странах-учредителях. В 1982 году заседание проходило в Москве в здании МВЭС на Кузнецком Мосту.

За большим круглым столом сидели руководители центральных банков стран — членов СЭВ, члены делегаций. Сзади пристроились эксперты, консультанты и переводчики, среди которых восседал и я. Это был мой первый совет директоров, и всё было очень интересно.

Часу на втором заседании, когда уже стало ясно, все впечатления зафиксированы, я стал наблюдать за присутствующими. Любопытно было смотреть на дремлющего президента Национального банка Монголии, интересных венгерок и полячек из состава экспертов делегаций их стран, смуглых кубинок и раскосых вьетнамок. Едва я отвёл взгляд от очередной делегации и посмотрел на часы — сколько там до кофе-брейка, взгляд мой упал на ноги председателя Госбанка СССР Владимира Сергеевича Алхимова, торчавшие под стулом передо мной. Я слегка подивился увиденному: на щиколотке левой ноги, из-под задравшейся брючины виднелись часы. Обычные часы на ремешке!

Я зажмурился и глянул ещё раз: точно, часы. Я толкнул локтем соседа и скосил глаза на ноги Алхимова. Тот посмотрел и тоже, мягко говоря, удивился. Мы встали и вышли покурить, а заодно обсудить ситуацию. «Он, может быть, заболел, а на руке носить не может, — предположил мой коллега. — А может, это последствия войны, контузии...» — рассуждал он.

Не придя к единому мнению, мы потихоньку вызвали на перекур нашу начальницу — Нину Николаевну Солдатову, ведущую в банке весь блок социальных стран.

Подготовив её соответствующим образом, мы подвели Нину Николаевну поближе и показали на ногу Владимира Сергеевича. Солдатова сделала вид, что не удивилась, хотя это ей удалось с трудом.

«Подумаешь, часы на ноге, — не совсем уверенно сказала она, — может, ему так удобнее...» «Что удобнее, время смотреть? — спросил я. — Вряд ли...» «Вряд ли, вряд ли, — передразнила Нина Николаевна, — ладно, в перерыве попробую спросить».

Еле дождавшись перерыва, мы почти подбежали к Алхимову, который мирно курил и пил кофе. Стоявшая рядом с ним Солдатова долго мялась, не решаясь задать вопрос. Мы подталкивали её взглядами. Наконец она решилась. «Владимир Сергеевич, — глядя ему в глаза спросила она, — скажите, а почему у вас на ноге часы?»

Мы замерли. Алхимов посмотрел на неё, на нас, нахмурился и произнёс: «Дураки, это не часы, а шагомер. Врачи повесили, чтобы померить, сколько шагов я в день прохожу. А вы что, подумали, что я чокнулся? Не дождётесь!»

Уволите — перестреляю!

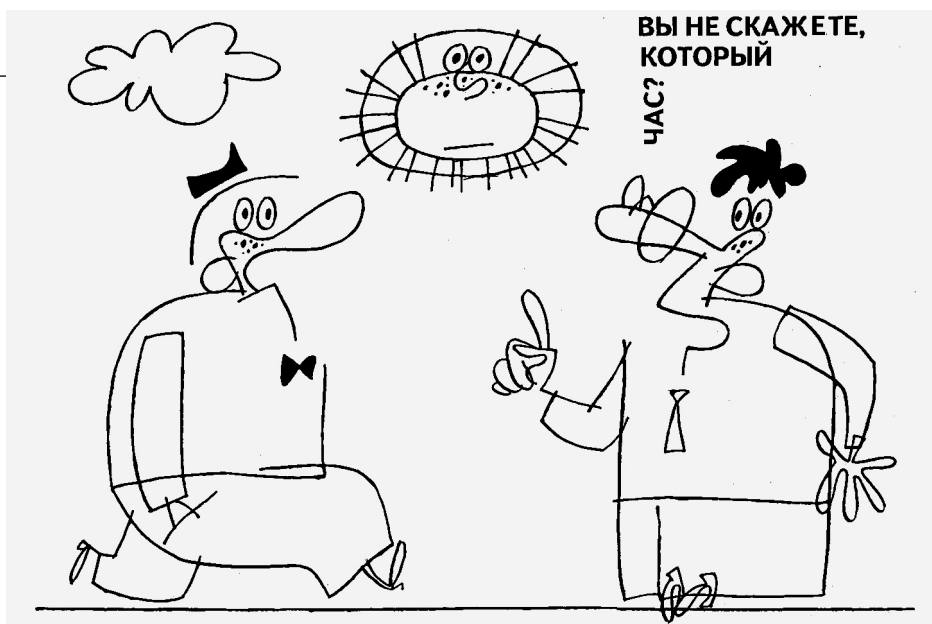
Было забавно вначале наблюдать за поведением новоиспеченных министров на заседаниях правительства и на различных совещаниях. Зампреьера Инга Ивановна Гребешева, отвечавшая за «социалку», постоянно требовала денег — на больницы, школы, пенсии, пособия и т. д. Борис Фёдоров с Григорием Явлинским её осаживали — «денег нет, кроме тех, что в бюджете». Это Гребешеву не останавливало. Её поддерживали другие министры — В. И. Кисин (промышленность), Г. В. Кулик (сельское хозяйство). На одном из заседаний правительства, на котором мне пришлось докладывать о финансировании летнего отдыха детей, я сообщил членам кабинета, что денег в бюджет на эти цели не предусмотрено. Гребешева мгновенно потребовала моего увольнения, и только Иван Степанович взял меня под защиту. «Инга Ивановна, всех поувольнять — недолго. А с кем работать будем?»

Ещё одним вице-премьером был Юрий Владимирович Скоков. Он любил по вечерам собирать многочисленные совещания человек на 25–30, приглашая руководителей всех министерств и ведомств. «Посиделки» начинались часов в 8–9 вечера и продолжались «до последней капли крови». Иногда к полуночи Скоков выдыхался и переносил заседание на следующий день, или его вызывал вдруг Силаев, и мы потихоньку разбегались. При этом было неясно, зачем Скоков нас приглашает — совещания в основном состояли из бесконечного соло Юрия Владимировича ни о чём и обо всём.

Вообще Ю. В. Скоков вызывал у меня какое-то смутное чувство опасности: он был явно не в себе. Мои предчувствия подтвердились после того, как на одном из «узких» совещаний у Силаева премьер выразил явное недовольство своим заместителем и сказал Скокову несколько неллицеприятных слов.

На щиколотке левой ноги, из-под задравшейся брючины виднелись часы. Обычные часы на ремешке!

Я шагаю по Москве

Юрий Владимирович побелел, вскочил на ноги и, отодвинув в сторону полу пиджака, показал Силаеву и всем нам кобуру с торчавшим из неё пистолетом.

«Уволите — перестреляю! — прошипел вице-премьер. — Мне терять нечего!» — Мы все буквально онемели. «Да что ты, Юрий Владимирович, — попытался успокоить его Силаев. — Никто тебя увольнять не собирается! Чего ты разволновался!» «Волноваться надо вам всем, а не мне», — торжественно заявил Скоков и, повернувшись, бодро вышел из кабинета.

29 августа 1991 года закончилось моё «комиссарство» в Госбанке СССР. Я с облегчением завершил свою деятельность и попросил пригласить В. В. Геращенко ко мне. Он прибыл довольно быстро, как будто ждал вызова в соседних Сандуновских банях. Мы попили с ним чаю, я вернул ему ключи от сейфа, и с чувством выполненного долга вышел из здания Госбанка СССР, пересёк Неглинную улицу и вскоре сидел в своём, ставшем уже привычным кабинете в Министерстве финансов РСФСР. Здесь за несколько дней моего отсутствия накопилось много дел, и ими мне предстояло всерьёз заняться. Последствия августовских событий ещё долго будут давать себя знать. Тогда же, осенью 1991 года, была создана комиссия по расследованию последствий путча. Правда, поскольку сотрудникам союзных МВД и КГБ веры уже не было, в комиссию пригласили следователей со всей страны. В качестве свидетеля вызывали и меня. По эпизодам, связанным с Госбанком СССР, дело вёл молодой старший лейтенант, вызванный из Донецка. Придя к нему в первый раз, я увидел на столе учебники по денежному обращению, кредиту и финансам. Следователь, проследив мой взгляд, признался: «А что делать! В Донецке я специализировался на убийствах, а тут поручили разобраться с Госбанком! Приходится на ходу учиться!» «Да, трудновато тебе будет с Гераклом!» — сказал я. «А кто это? Кто это такой — Геракл?» — спросил он. «Скоро узнаешь! Он тебя научит азам денежного обращения и кредита», — «порадовал» я его.

Как Франция потеряла часть суверенитета

Но однако вернёмся к Межгосударственному экономическому комитету (МЭК).

Во главе МЭК стоял первый председатель российского правительства Иван Степанович Силаев, а я был одним из членов его команды, наряду с уже хорошо мне знакомыми Е. Ф. Сабуровым, И. Т. Гавриловым, А. А. Захаровой, С. Г. Гучмазовым и многими другими. Мы разместились на Пушкинской улице в здании, где сейчас находится Совет Федерации Федерального собрания РФ.

В ноябре усиленно верстали проект бюджета на 1992 год, учитывая произошедшую трансформацию в органах власти, прежде всего в сфере распределения функций и полномочий между Центром и союзными республиками.

Надо сказать, что процесс шёл трудно, с большими разногласиями. Каждая из республик — будущих участниц ССГ (Союза Суверенных Государств) считала МЭК мало эффективной структурой и старалась ограничить его функции. Предполагалось, что на и надгосударственный уровень будут переданы только вопросы (и соответствующее финансирование), представляющие взаимный интерес, — оборона, безопасность, часть валютных функций, некоторые другие. По некоторым задумкам МЭК должен был заниматься и межбюджетными отношениями, субсидиями и дотациями отстающим регионам.

Заседания МЭК происходили там же, в здании на Пушкинской. В большом зале собирались представители всех республик, члены МЭК, а во главе стола восседал И. С. Силаев. Обретшие неожиданно свалившуюся на их неокрепшие головы свободу представители республик вели себя, мягко говоря, некультурно. А прямо выражаясь, это был паноптикум малограмотных мужчин и женщин, всплывших в своих местечках из пены, взмыленной перестройкой, путчем и прочими явлениями нашей тогдашней жизни. В их мозгах отчего-

то внезапно сформировалось стойкое неприятие всего «наднационального», они вдруг стали пламенными патриотами и защитниками интересов отсталых окраин. При этом более всего меня забавляла скорость, с которой на их смиренных и не очень лицах появлялись надменность и важность, голоса их становились гортанными и громкими, глаза частенько устало прикрывались, а руки с трудом поддерживали клонящиеся к столу, переполненные государственными думами «умные» головы.

Интересно, что таким же трибуном и радетелем интересов страны стал и полномочный представитель Российской Федерации В. М. Машиц (министр России по делам СНГ), который, выходя к трибуне, каждый раз представлялся не иначе как «министр Машиц». Его лицо, отравленное последствиями известных излишеств, выдавало наличие и других интересов, в основном сконцентрированных в районе шкафов водочного подразделения местного буйфета.

В это время, если помните, почему-то нас заставили коверкать русский язык и произносить некоторые географические названия на местный лад: не Таллин, как это было всегда, а Таллинн, не Башкирия, а Башкортостан, не Алма-Ата, а Алматы и т. д. Всегда хотелось узнать, кто конкретно выдумывает такие нововведения, кому в башку приходят такие «мудрые» мысли? Но к сожалению, мне не довелось докопаться до этих гениев словесности, хотя подозрения имеются.

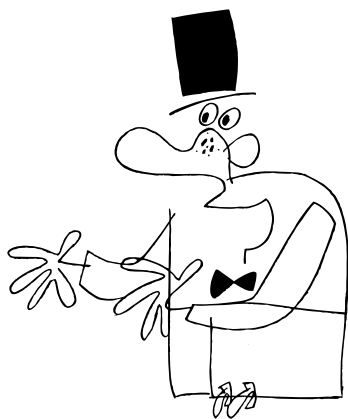
На одном из заседаний МЭК я (используя принятую сегодня терминологию) докладывал проект бюджета и, называя получателей бюджетных средств, объявлял республики так, как меня научили с детства — Молдавия, а не Молдова, Белоруссия, а не Беларусь и т. д. Когда подошло время задавать вопросы, поднялся со своего места представитель Киргизии и заявил: «По бюджету вопросов не имею. А вот почему господин Зверев коверкает название моей страны, мне непонятно. Неужели вам неизвестно, что отныне мы никакая не Киргизия, а Кыргызстан? Пора запомнить!» — Он гневно посмотрел на меня. «Не знаю, не знаю, — ответил я. — Я считаю свой язык вполне грамотным и

называю вещи своими именами. Вы, уважаемый представитель Киргизии, можете называть свою республику, её населенные пункты, горы, реки и улицы на своём языке как вам заблагорассудится. А мы уж как-нибудь по-русски сами всё назовём. Кстати, по-французски их столица называется “Пари”, а по-русски — Париж. И французы на нас не обижаются».

«Иван Степанович! — вскочил мой оппонент с места. — Это возмутительно! Я объявляю протест!» «А я объявляю перерыв», — устало произнёс Силаев.

«Ты, Андрей Викторович, понежнее с ними, — увещевал меня в перерыве за чаем Иван Степанович. — Видишь, как у них всё запущенно. Кыргызтсон, тьфу ты, Кыргыз..., ну, в общем, как они там. Смотри, ещё письменный протест пришлют! Ну их к лешему!»

О роли грамотности для карьеры

В 1995 году в Белом доме проходило большое совещание по подготовке к зиме. Пригласили министров, губернаторов, депутатов. Присутствовали и мы — работники аппарата правительства. В зале находились не только мужчины, но и женщины. Это важно для дальнейшего восприятия рассказа.

В. С. Черномырдин пришёл на совещание в хорошем расположении духа. Это было видно по всему: он не вошёл в зал, а влетел, словно несомый теплым сентябрьским ветерком воздушный шар. Он что-то весело вполголоса накоротке обсудил с сидевшим рядом с ним заместителем О. Н. Сосковцом и открыл совещание.

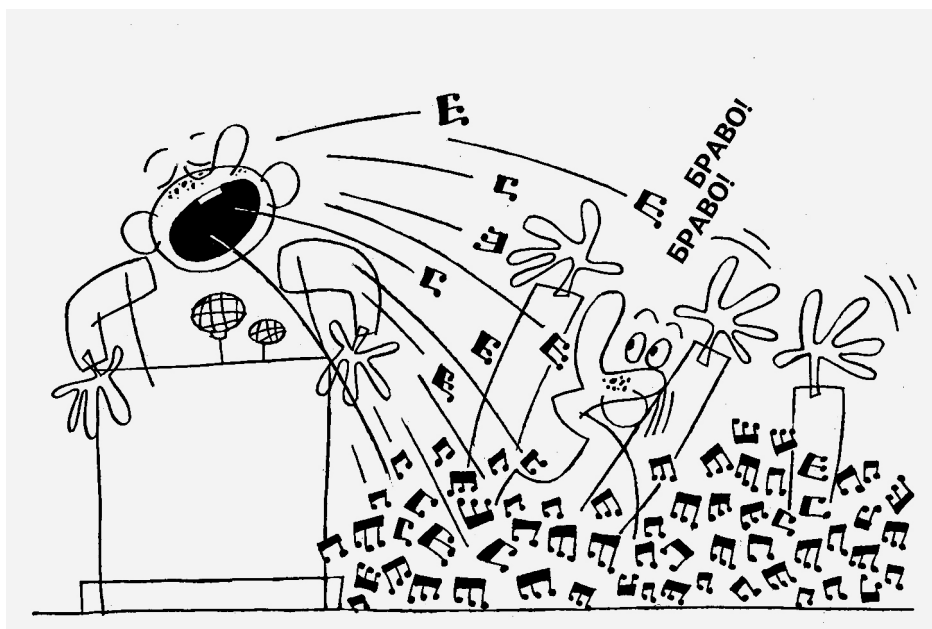
Начал выступать кто-то из основных докладчиков. ЧВС (так за глаза называли премьера), казалось, слушал выступавшего невнимательно, шурился на пробивавшееся сквозь высокие шторы на окнах солнечные осенние тучи, чему-то улыбался. Лишь иногда он сводил брови, поворачивал голову к трибуне и строго, поверх очков, оглядывал зал. Однако добродушный настрой брал своё, и едва доклад был закончен и пришло время переходить к дискуссии, Виктор Степанович, не давая увлечь себя нудными вопросами, кто и сколько топлива должен завозить на Север, вдруг ударился в воспоминания.

«Давно это было. Году этак в 66–67-м, — начал он издалека. — Тянули мы газовую ветку из пункта А в пункт Б. Ветка была секретная, знать детали вам не положено». Степаныч снял очки и лукаво посмотрел на нас: оценили ли юмор. Мы юмор оценили: все вежливо захихикали, а губернатор Московской области А. С. Тяжлов и вовсе расхохотался на весь зал и долго качал головой — вот, мол, ведь удачно премьер сострил.

Надо сказать, что Анатолий Степанович всегда был излишне (как бы помягче сказать), комплиментарен по

Он пел как акын — что вижу, о том и пою.

Музыкальные лечебные потоки

отношению к руководству. Будучи человеком глубоко пораженным национальной русской болезнью, постоянно получавший упрёки за чрезмерное употребление, он пытался сгладить проблему излишней восторженностью и вознесением своих начальников до небес.

Тем временем Степаныч, плывя по волнам своей памяти и размахивая очками, вспоминал сибирские морозы, пар изо рта, стыки газовых магистралей, компрессорные станции и вообще радость трудовых будней добытчиков «голубого золота». Народ слушал вполуха, у всех было полно дел, но все делали заинтересованный вид, кивали головами и в нужных местах улыбались или даже начинали смеяться.

ЧВС уже подошёл к концу своего повествования, и пора было вновь обратиться к заводу топлива на Север, но вдруг в Тяжлове проснулось чувство благодарности за то, что Степаныч спускает ему его грехи, и он, слегка привстав со своего места, прочувственным голосом сказал: «Виктор Степанович, ну до чего вы нам всё это интересно рассказали, и про стыки, и про пар, и голубое золото... Душа радуется! Как хорошо-то вы, Виктор Степанович, для всех нас, — подмосковный губернатор окинул взглядом притихший зал, — да что там для нас — для всей страны, да и для зарубежья — ближнего и дальнего, — он взмахнул рукой. — Вы для всего мира самый квалифицированный, опытный, самый уважаемый газовщик», — торжественно закончил фразу Тяжлов.

Слушавший его слегка морщившийся Черномырдин вдруг на последнем слове встрепенулся, глаза его вспыхнули молниями, очки отлетели куда-то в сторону. Он побагровел, тяжело поднялся из кресла и приглушенно спросил: «Что ты сказал?» Тяжлов замер. Все сидящие в зале тоже застыли в оцепенении в ожидании чего-то ужасного. «Что ты сказал, твою мать, повтори», — уже громче зарычал Степаныч. Показалось, что это даже не Степаныч, а какой-то бог-громовержец с Олимпа, который сейчас испепелит беднягу Тяжлова всепоглощающим огнём. Оставалось только узнать, за что падёт губернатор и будет ли страдать или, так ска-

зять, сразу, без мучений. «Я сказал, — запинаясь промямлил Тяжлов, — что вы, это... ну как его, самый — самый газовщик...»

ЧВС не дал ему закончить фразу: «Какой я тебе, тра-та-та, газовщик! — Взревел премьер. — Ты что, охренел от выпивки! Нашёл газовщика! — Виктор Степанович бесновался и матерился, не обращая внимания на присутствовавших дам и вообще ни на кого. — Газовщик! — С драматическими интонациями воскликнул он. — В словарь загляни сначала, а потом газовщиков ищи».

Тяжлов сидел растерянный. Что он такого сказал? Ведь хотел как лучше, а получилось... Дождавшись секундной паузы в потоке брани Степаныча, он тихо спросил: «Виктор Степанович, скажите, а кто же вы?» «Кто?! — Гордо поднял голову Черномырдин. — Кто я такой, ты спрашиваешь? — Переспросил он. — Запомни на всю жизнь, — Степаныч поднял указательный палец, — газовщики — в ЖЭКе, а я — ГАЗОВИК».

После этого с чувством выполненного долга он покинул зал заседания.

Пусть поляки трезвее будут

Первый раз мне пришлось пообщаться с председателем правления Госбанка СССР Владимиром Сергеевичем Алхимовым, когда я поехал к нему в подмосковную Барвиху, в санаторий, где он в то время отдыхал. Мне надо было подписать у него важную бумагу для польского правительства. В Польше в то время творился полный бардак, и на новый 1982 год СССР посылал им несколько эшелонов с водкой, шампанским и соответствующей закуской. Мы же были интернационалистами и не могли позволить польскому рабочему классу пропасть на Новый год. Пусть немного повеселятся!

Письмо готовили в спешке, времени было в обрез. Смысл был в том, что мы им — водку и шоколад, а они нам — уголёк. Поэтому свою позицию мы сформулировали так: на Новый год гуляйте, а потом расплатитесь — по пять миллионов тонн угля в год.

Визы были собраны у всех, у кого было можно и у кого нельзя. Были учтены все министерства, ведомства и всевозможные конторы. Вошёл я в люкс Владимира Сергеевича вместе с заместителем председателя госбанка Валерием Александровичем Пекшевым. Алхимов тепло с нами поздоровался, поздравил с наступающим Новым годом, предложил чай, а сам стал читать письмо.

Вдруг его брови удивлённо поднялись, и он спросил нас: — А вы сами-то читали, что мне привезли?

— Да, Владимир Сергеевич, — быстро ответил Пекшев, — по стоимости товарные поставки сбалансированы, водка и шоколад на уголь — это нормально. Щадов (министр угольной промышленности СССР) завизировал.

Алхимов глянул на визовый экземпляр, испещрённый подписями и заметил:

— До чего же вы щедры, ребята. Я, конечно, понимаю интернационализм, но не до такой же степени! — Владимир Сергеевич закурил, протягивая нам письмо.

Мы с Пекшевым прочитали и едва не рухнули на пол: вместо «5 млн тонн» в нём было напечатано

«5 тонн». Как это получилось? И почему пара десятков человек, визировавшие текст, не обратили на это внимания?!

Алхимов был в хорошем настроении:

— Ладно, дуйте исправлять, но сегодня больше не приезжайте — у меня процедуры. Пусть поляки свою водку получают на день позже — трезвее будут.

Кроме таджиков и узбеки у нас есть

В Минфине РСФСР я работал с квалифицированными кадрами, отличными специалистами. Многие прекрасно разбирающиеся в своём деле люди работали и в других «смежных» ведомствах, прежде всего в Минэкономике РФ: Юрий Георгиевич Ольховиков, Леонид Александрович Запальский и другие.

С Л. А. Запальским меня связывала большая дружба, несмотря на разницу в возрасте — почти 25 лет. Он поработал и в Сибири, и на Дальнем Востоке, был опытным строителем. Леонид Александрович был прекрасным рассказчиком, и от него мне довелось услышать много историй и баек. Вот одна из них.

В начале 60-х годов он работал в Узбекистане в тамошнем министерстве строительства. Однажды все узнали, что к ним приезжает Н. С. Хрущёв, который посещал сразу несколько республик Средней Азии. Все стояли на ушах, готовились к приезду «дорогого Никиты Сергеевича», приготовили почётный караул, оркестр, пионеров и, конечно, хлеб-соль.

Наконец самолёт с Никитой приземлился, он появился на трапе, и тут Леонид Александрович профессионально определил, что руководитель пьян. Его под руки спустили с трапа и повели уже было сразу к машине. Но Хрущёв отмахнулся от сопровождавшей охраны и бодро направился к микрофону. Все затаили дыхание.

— Здравствуйте, товарищи таджики! — зычно прозвонил Никита Сергеевич в обвёл глазами притихший народ. По толпе прошёл лёгкий ветерок. К Никите по-

дошёл его помощник и тихо, чтобы никто не услышал, сказал: «Никита Сергеевич, вы ошиблись — это не таджики, а узбеки. Мы ведь в Ташкенте».

Хрущёв гневно посмотрел на доброхота и вновь повернулся к микрофону:

— Что я, слепой, что ли?! — возмущённо сказал он, и продолжил: — Вижу, товарищи, что кроме таджиков и узбеки у вас есть!

Тут окружение борца за коммунизм не стало дальше искушать судьбу и утащило слегка упиравшегося Никиту в лимузин.

Все своё всегда со мной

В уже далёком 1991 году, примерно в сентябре, тяжёлая судьба заместителя министра финансов РСФСР по внешнеэкономическим связям забросила меня в Лондон. Только-только отшумел путч, запахло грозным ожиданием чего-то необычного. Такое бывает, когда чувствуешь чутьём, печёнкой, или чем там ещё, что вот-вот грохнет, всколыхнёт, перевернёт и шмякнет. Весь живёшь как впервой, воздухом дышится тревожно и свежо.

Так и тогда, осенью 91-го союзные министры слетели со своих постов практически все — «за связь с путчистами». Остались немногие, а до заместителей пока у новой власти руки не дошли. К тому же союзное правительство возглавил И. С. Силаев, бывший до этого председателем правительства РСФСР, оставив свой пост на и.о. — О. И. Лобова.

Иван Степанович первое время существовал как бы в двух ипостасях — и союзный, и ещё частично ресепфэсэровский. Это было время недолгое — до Беловежской Пуши — единения союзных и российских структур. Я, продолжая работать в Минфине, всё же посматривал по сторонам, понимая, что такое двоевластие, а точнее говоря, многовластие, учитывая, что союзные республики тоже почуяли свободу, долго продолжаться не может. Поэтому, наверное, для меня было

вдвойне интересно поехать в Лондон на переговоры с Европейским банком реконструкции и развития.

ЕБРР относительно недавно был создан, и его руководство выразило готовность обсудить вопросы кредитования и инвестиций сразу с представителями двух уровней власти — союзным и республиканским.

В состав совместной делегации, которую возглавил замминистра иностранных дел СССР Эрнест Евгеньевич Обминский, вошли представители Госбанка СССР и Минфина Союза, а также мы — российский «младшие»: Валерий Телегин, бывший в то время председателем Внешторгбанка РСФСР и я.

Эрнест Евгеньевич, с которым я в ту пору познакомился, был человеком весьма интеллигентным и очень обходительным и деликатным. Мне, в то время 34-летнему, он казался пожилым, хотя ему не было и 60.

— Главное, коллеги, произвести на них хорошее впечатление, — наставлял он нас. — Вы все ребята серьезные, на английском свободно говорите, про рыночную экономику много чего наговорить можете. Располагайте их к себе, пусть кредиты дают.

Мы и старались изо всех сил, хотя чиновники из ЕБРР, видно по старой инерции, с нами — представителями российскими — общались неохотно и, я бы даже сказал, высокомерно. Особое внимание они уделяли нашим коллегам из союзных структур, что, впрочем, нас особо не обижало, поскольку мы были приучены к субординации и, говоря сегодняшним языком, вертикаль власти блюли.

Вечером, вернувшись в гостиницу в районе Гайдпарка и поужинав в дружеской обстановке со слегка чокнутыми представителями Альбиона, отправились спать. Я посмотрел немного телевизор и заснул с чувством выполненного долга.

Проснулся от того, что в номере громко орала сирена. Вначале ничего не понял — темно, на часах около четырёх утра. Встал, подошёл к входной двери и прислушался там тоже орала сирена и слышался невнятный шум — какие-то голоса, топот и прочие неразличимые звуки. Тихо приоткрыл дверь и увидел картину: люди,

некоторые одетые наполовину, кто с сумками, кто накрытый одеялом, шли к выходу, к лестнице с горячей надписью «Fire exit» — пожарный выход.

Аккуратно закрыв дверь, я подошёл к окну и увидел внизу пяток пожарных машин, людей в касках, суетящихся в свете синих «мигалок» с пожарными рукавами. Стало ясно, что это не провокация западных спецслужб, а пожарная тревога.

Первой мыслью было натянуть что-то на себя и бежать на волю, к бесстрашным пожарным, под их защиту. Вспомнились фильмы о горящих небоскрёбах и пылающих поездах.

Однако в голове сработал невидимый выключатель — мои руки и ноги стали двигаться независимо от сигналов мозга.

Поскольку электричество не работало, видимо, гостилицу обесточили во избежание ещё большего возгорания, в совершенно тёмном номере я безошибочно определил прежде всего местонахождение своих документов — паспорта, валюты и обратного авиабилета, а затем уже и брюк, рубашки, галстука и пиджака.

Быстро, а главное, безошибочно одевшись — не перепутал рукава с брючинами, я взял в руки кейс с бумагами и практически строевым шагом вышел из номера, органично влившись в пёструю толпу эвакуировавшихся из отеля постояльцев. Мы спускались по узкой пожарной лестнице под аккомпанемент сирены, при этом среди толпы можно было явно выделить приученных к дисциплине пионерских лагерей и военных сборов советских граждан — членов нашей делегации все как один в строгих костюмах, галстуках и с портфелями в руках. Их руки бережно прижимали к груди содержимое внутреннего кармана пиджака — очевидно, паспорт и валюту. Контрастировали с ними безумно топчущие иностранцы кто в чём — от нижнего белья до в спешке наброшенных одеял и полотенец.

Мы вышли на улицу — ещё тёмную в это время. Во всеобщей кутерьме советские граждане собрались в плотную группу. По-видимому, вид серьёзных и молчаливых мужчин, все как один в костюмах и с кейсами,

внушал полуодетым погорельцам уважение, граничащее с восхищением.

Иностранцы испуганно галдели, причитали и обменивались впечатлениями, причём делали это одновременно, отчего их голоса создавали причудливое птичье многоголосье.

И вдруг у кого-то из наших вырвался даже не вопрос, а придыхание: «Где Эрнест?» Эрнеста среди нас не было. В голове пронеслись ужасные картинки — обуглившееся тело замминистра, нахлынули воспоминания о добром дядечке, его отеческие наставления и т. п. Взгляд выхватил из окружавшего нас столпотворения подъехавшую машину скорой помощи, отчего стало не до воспоминаний. Затем увидели человека, чем-то по силуэту напоминавшего Обминского. Но он ли это? Субъект стоял в толпе наскоро одетых кто во что людей, практически полуголых. И это был он, он, наш дорогой Эрнест, Эрнестушка! Не обуглившийся и вполне живой и здоровый, но дрожащий как лист под холодным осенним лондонским ветром, накрытый капиталистическим, практически не согревающим одеялом. И к тому же — совершенно босой!

Мы радостно бросились к нему.

— Эрнест Евгеньевич, — искренне ликовали мы, — где же вы были?

Каждый отдал Обминскому что-то из своего. Вот только с обувью было трудновато. Но кто-то пожертвовал несчастному свои носки и временно проблему сняли.

— Эрнест Евгеньевич, как же вы так? — спрашивали мы нашего начальника, — почему в одних трусах? Неужели вас застали врасплох?

— Дурацкая ситуация, друзья мои, — чуть согревшись, рассказал нам Эрнест. — Услышал я сирену, пошёл к двери, открыл её и увидел, как и вы, толпу бредущих к пожарному выходу жильцов гостиницы. Но, видно, годы берут своё — неосторожно сделал шаг от номера, чтобы спросить, в чём дело, а дверь, тварь такая, взяла и автоматически закрылась. Пришлось раздобыть в хозяйственной комнате на этаже одеяло и

переться к выходу вот в таком вот виде. Позор, позор! — приговаривал Обминский.

— А как же документы, валюта?! — с ужасом спрашивали мы. — Неужели остались в номере? — в самое страшное не хотелось верить.

— Ну, это уж дудки, — хитро, по-ленински улыбаясь, сказал Обминский и выпростал из-под одеяла руку с паспортом и пачкой фунтов. — Это святое, это у меня всегда с собой.

Даже в постели, хотелось спросить у бдительного чиновника и опытного дипломата? Но было ясно, что вопрос неуместен и даже никчѐмен — у советского человека эти вещи всегда под рукой.

Через десять минут мы сидели в соседнем баре и, отогреваясь национальным шотландским напитком, обменивались впечатлениями.

— А что, ребята, хорошо, что не было журналюг и фотокорреспондентов? — слегка оттаяв спросил Эрнест Евгеньевич. — Ведь сволочи, сфотографировали бы меня в одних трусах на улице и поместили фотографию в газеты с заголовком: «Советский замминистра приехал в Лондон за кредитами». Вот был бы конфуз! — озабоченно воскликнул он.